

ДЖОН ДЖ. МИРШАЙМЕР

«ЧИСЛО СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ НАД ФОРМУЛИРОВАНИЕМ ТЕОРИИ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БОЛЬШИМ...»

Джон Миршаймер — признанная величина в исследовании международных отношений. Его крупнейшая работа — книга «Трагедия политики великих держав» — сформулировала положения теории «наступательного реализма». Начиная с 1990-х годов Джон Миршаймер выступал в качестве одного из ярчайших представителей и наиболее последовательных сторонников реалистской традиции международных исследований. Он даже заработал неформальное звание «мистер реализм».

Ещё ранее, в 1980-х, он внёс существенный вклад в исследования безопасности, разработав концепцию конвенционального сдерживания. Он также является автором биографической работы, посвящённой крупнейшему британскому военному историку и теоретику первой половины XX в. Бэзилу Генри Лидделу Гарту, а также исследования роли лжи в международной и внутренней политике государств. На протяжении нескольких десятилетий Джон Миршаймер активно участвует в публичной дискуссии по актуальным проблемам внешней политики США, нередко высказывая непопулярные взгляды. Так, в 1990 г. он отстаивал целесообразность американской операции в Кувей-

те, а в 2000-х — жёстко критиковал вторжение Соединённых Штатов в Ирак. На протяжении 1980-х он поддерживал политику НАТО по сдерживанию Советского Союза в Европе, а после окончания «холодной войны» выступил против расширения Североатлантического альянса. Оценки и прогнозы профессора Миршаймера нередко вызвали жаркую полемику. В частности, в середине 2000-х годов большой резонанс вызвала книга, написанная им в соавторстве со Стивеном Уолтом и посвящённая влиянию этнического лобби на выработку американской политики по отношению к Израилю. В 2014 г. в журнале «Форин Аффферс» появилась его не менее известная статья, возлагавшая значительную долю ответственности за украинский кризис на западные страны.

Джон Миршаймер окончил Военную академию США и получил докторскую степень в Корнеллском университете. С 1982 г. он преподаёт в Чикагском университете, в котором занимает должность профессора политических наук имени Р. Уэдделла Харриса. В 2018 г. вышла последняя на сегодняшний день книга профессора Миршаймера «Великое заблуждение: либеральные мечты и международные реалии».

Шеф-редактор журнала «Международные процессы» Игорь Истомин обсудил с профессором Миришаймером, как развивалась его исследовательская карьера, каково современное состояние теории международных отношений и какие неожиданные повороты могут нас ждать в развитии взаимодействия великих держав.

И.И.: *Позвольте открыть нашу беседу вопросом о том, как Вы пришли к научной деятельности? Как начиналась Ваша карьера?*

Дж.М.: Если бы Вы знали меня в молодости, то вряд ли смогли бы предположить, что я стану профессором Чикагского университета. На протяжении большей части обучения в старших классах и будучи уже в колледже¹, я не интересовался ни академической карьерой, ни сферой международных отношений. По большей части я интересовался спортом. Однако в ходе обучения в Вест-Пойнте у меня был обязательный курс по международным отношениям, и мне понравился этот предмет. Меня заинтересовало наличие различных теорий международных отношений, благодаря которым люди пытаются объяснить, как устроен мир. Я принял решение прямо тогда, что на последнем курсе в Вест-Пойнте я запишусь ещё на несколько предметов, связанных с международными отношениями и связанными с ними вопросами. Так я и поступил. Как раз в тот год я также решил, что буду стремиться получить степень доктора философии по политическим наукам и сосредоточусь на изучении международных отношений.

После окончания Вест-Пойнта моим первым местом работы стала служба в военно-воздушных силах, и я был направлен в Лос-Анджелес. Параллельно я стал обучаться сначала заочно, а потом и очно в Университете Южной Калифорнии, в котором в 1974 г. я приобрёл степень магистра. В 1975 г. я завершил службу в ВВС США и поступил в Корнеллский университет, чтобы стать доктором философии по

политическим наукам. Когда я попал на эту программу, то понял, что довольно хорошо формулирую теории международных отношений и формулирую объяснения того, как устроен мир. Конечно же, мне нравилось то, что я делал. Очень важно испытывать энтузиазм по поводу научной работы, если вы решили добиться успеха в исследовательской карьере. А последнее стало моей целью. Короче говоря, я очень стремился стать исследователем, и мне хорошо удавалось выстраивать теории, и эти два фактора вместе, как мне кажется, сильно помогли мне стать тем человеком, каковым я являюсь сегодня.

И.И.: *Вы упомянули, что служили в вооружённых силах. Это был период войны во Вьетнаме, когда американское общество оказалось сильно поляризованным. Как данный исторический период повлиял на Ваши научные подходы?*

Дж.М.: Думаю, что Вьетнамская война сильно сказалась на моих исследовательских взглядах. Она не сыграла определяющей роли в том, что я стал заниматься именно международными отношениями, но точно повлияла на то, как я стал размышлять о мироустройстве. Я проходил военную службу в американских вооружённых силах в 1965–1975 годах. С 1965 по 1966 г. был рядовым военнослужащим по призыву. Затем поступил в Вест-Пойнт, где обучался с 1966 по 1970 год. После окончания академии, в 1970–1975 годах, я проходил службу в ВВС США.

Период моего пребывания в вооружённых силах практически совпадает с войной во Вьетнаме. Первые американские боевые соединения высадились в Дананге 8 марта 1965 года. Я ушёл служить рядовым в армию США 22 июня 1965 года. Падение Сайгона произошло весной 1975 года, а летом 1975 года я покинул ВВС. Как видите, мой опыт военной службы и моя молодость, можно даже сказать, юность были тесно переплетены с Вьетнамской войной, кото-

¹ Имеется в виду Военная академия Соединённых Штатов Америки, известная также как Вест-Пойнт.

рая привела к тому, что Соединённые Штаты оказались внутренне разделены. Конец 1960-х и начало 1970-х были временем колоссальных споров в США. Что я уяснил за эти годы и что оказало влияние на мои представления о международных отношениях, так это то, что великие державы, такие как Соединённые Штаты или Советский Союз, должны держаться подальше от войн в местах, которые мы привыкли называть Третьим миром или развивающимися странами.

На основании уроков Вьетнамской войны я понял, что не стоит вторгаться и оккупировать такие страны, как Афганистан или Ирак. Собственно, поэтому я жёстко выступал против вторжения США в Ирак в 2002–2003 годах. Я считал, что результат будет сильно похож на наш опыт во Вьетнаме. Кстати, я предполагал, что та же логика применима в отношении Афганистана. После терактов 11 сентября 2001 г. Соединённым Штатам было почти невозможно избежать вторжения в Афганистан. Тем не менее я был убеждён, что, как только мы свергли Талибан, нам следовало как можно скорее покинуть эту страну. Иначе бы мы оказались в той же ситуации, в которой побывал Советский Союз, когда ввёл войска в Афганистан в 1979 году.

Я бы здесь добавил, что, когда Советский Союз вторгся в эту страну, большинство специалистов, работавших в сфере национальной безопасности в США, были шокированы и рассматривали эти действия как доказательство того, что Советы наступают и что они могут поменять баланс сил в свою пользу за счёт США. Поначалу казалось, что СССР одержит быструю и решительную победу в Афганистане. Тем не менее я в то время полагаю, что руководство Советского Союза совершило огромную ошибку, что на самом деле они прыгнули в огромное болото, так же как ранее сделали мы во Вьетнаме. Конечно же, Афганистан стал показательным случаем, и советская армия потерпела унижительное поражение, такое же, как британцы ранее, в XIX веке, и такое же, какое в итоге потерпят американцы.

Суть в том, что великие державы, такие как Соединённые Штаты, должны держаться подальше от таких мест, как Афганистан, Ирак или Вьетнам. В действительности, если две державы соперничают друг с другом, обеим следует надеяться, что противник вторгнется в одну из малых стран. Всё вышесказанное — это развёрнутый способ показать: война во Вьетнаме научила меня тому, что великим державам необходимо избегать вторжений и оккупации стран, которые мы привыкли называть развивающимися или принадлежащими к Третьему миру.

И.И.: Ваша первая книга была посвящена вопросам конвенционального сдерживания. Как Вы пришли к ней? В исследованиях по вопросам безопасности времён «холодной войны» преобладали опасения относительно ядерного оружия, почему Вы решили сосредоточиться на изучении военных действий с применением обычных средств?

Дж.М.: Я бы хотел отметить два момента, первый из которых касается предыстории моего решения. Важно понимать, что к 1975 году, на тот момент, когда я начинал обучение в аспирантуре в Корнеллском университете, мало что нового можно было сказать о ядерном сдерживании. С 1945 года, когда впервые было применено ядерное оружие, примерно до 1965 года огромное количество интеллектуального капитала было потрачено в США и других странах на изучение ядерного сдерживания и ядерных стратегий. К 1975 г. уже просто мало что можно было бы сказать нового на данную тему. Таким образом, любой, кто начинал обучение в 1975 году, вряд ли бы работал над вопросами ядерного сдерживания. В то же время почти ничего не было написано о конвенциональном сдерживании. Полагаю, что в моей диссертации на эту тему, которая составила основу первой моей книги под таким же названием, впервые в политических, экспертных или исследовательских кругах использовался сам этот термин. Думаю, я стал первым человеком, который внёс этот термин в исследования безопасности.

Это подводит меня ко второму пункту, связанному с вопросом, как я решил написать о конвенциональном сдерживании? Это был пример чистой удачи. На втором семестре обучения в Корнеллском университете я выбрал курс под названием «Стратегия», который преподавал Ричард Роузкранц. Это было в ходе весеннего семестра в 1976 году. На первом занятии он нам сказал: «Вот список возможных тем, по которым вы должны написать научную работу». Одним из вариантов, которые он нам привёл, была тема «конвенциональное сдерживание». У меня была запланирована встреча с профессором Роузкранцем после занятия. Я подошёл к нему в кабинет, и, как только я вошёл, он спросил: «Джон, на какую тему ты собираешься писать работу по курсу?» Я даже не успел поразмыслить об этом. Первая тема, которая пришла мне в голову по причинам, которые я не могу объяснить, — это «конвенциональное сдерживание». Прямо там, не продумав заранее, я сказал ему, что собираюсь написать работу по этой проблематике.

Насколько помню, он мне поставил А- (четыре с плюсом) за данную работу, и вроде бы я получил такую же оценку за курс. Во всяком случае, тем летом после окончания предмета (это было лето 1976 года, после окончания курса) я столкнулся с профессором Р. Роузкранцем в кампусе университета, и он спросил у меня тогда: «Джон, что ты сделал с той работой, которую написал по конвенциональному сдерживанию?» Я ответил, что ничего, она в той же форме и осталась. На что он спросил — почему?! Я же сказал: «Вы поставили мне А-, так что, очевидно, это была не самая удачная работа». Он признался: «Наоборот — это была блестящая работа. Я поставил тебе А- только потому, что не хотел, чтобы ты зазнался!» Я был потрясён данными словами, но как только он сказал, что рукопись была прекрасна, я начал работать над данной темой всё тщательней. Я решил сделать её темой своей диссертации. Это было действительно блестящее предложение со стороны профессора Роузкранца, потому что, как я ранее сказал, никто ниче-

го не писал на данную тему. Для исследователя очень важно выбрать такую тему, о которой люди до этого не говорили бы много или лучше вообще ничего. В целом мне очень повезло, что я стал изучать конвенциональное сдерживание, так как по этому предмету практически не было литературы и здесь я мог использовать свой навык создавать теории и выступать с интересными объяснениями. Это был идеальный путь для начала карьеры.

И.И.: Ваша изначальная работа на тему конвенционального сдерживания была посвящена очень важному, но всё же частному вопросу. Позднее Вы написали книгу «Трагедия политики великих держав», в которой сформулировали концепцию наступательного реализма. Как Вы осуществили этот переход к более общей теории международных отношений?

Дж.М.: Это ещё один очень интересный вопрос о траектории моей профессиональной карьеры. Когда я поступил в аспирантуру, я не очень хорошо разбирался в так называемых больших теориях международных отношений. В их число в то время включали либеральную, реалистскую и марксистскую теории. Я уделял внимание их освоению в период обучения в аспирантуре, но не очень много, так как в основном я глубоко интересовался конвенциональным сдерживанием, которое представляло собой теорию среднего уровня. Она не претендовала на объяснение общей логики развития международных отношений, хотя и отвечала на важный теоретический вопрос. Я сосредоточился на изучении теории среднего уровня на протяжении практически всего времени обучения в аспирантуре в Корнеллском университете с 1975 по 1980 год. Затем в 1980–1982 годах, работая по временному контракту (постдок) в Гарвардском центре международных исследований, которым тогда руководил Самюэль Хантингтон, я занимался доработкой своей диссертации для того, чтобы опубликовать её в качестве книги.

Осенью 1982 г. я начал преподавать в Чикагском университете, который был

известен акцентом на изучении теоретических вопросов. Это учреждение делает большой упор на развитие крупных теорий. В этой связи, когда я начал преподавать в 1982/83 учебном году, одним из первых моих курсов стал семинар по теории международных отношений. Как бы ни трудно это было представить, но только тогда, зимой 1983 года, я впервые прочитал книгу Кеннета Уолтца «Теория международной политики». Эта работа вышла в 1979 году, но я познакомился с ней только в 1983-м. Почему? До этого меня занимали в основном вопросы конвенционального сдерживания. Теперь же я оказался в Университете Чикаго и стал впервые серьёзно заниматься большими теориями. Это стало началом пути, который привёл меня к написанию работы «Трагедия политики великих держав».

И.И.: *Вы не просто начали думать о теории К. Уолтца, но в какой-то момент начали сомневаться в ней. Когда и каким образом у Вас появились вопросы к разновидности структурного реализма, предложенного К. Уолтцем?*

Дж.М.: Правда состоит в том, что, когда я начал изучать теорию К. Уолтца, мне было очень трудно понять, в чём именно состоит её основной тезис. Так продолжалось, наверное, первые три раза, что я рассматривал его книгу в рамках своего курса. В результате вначале я просто пытался понять аргументацию К. Уолтца, а не критиковать её. Многие специалисты в то время считали, что его версия реализма была по своей природе очень наступательной. Между тем я начал медленно, но верно понимать, что на самом деле она довольно оборонительная. Она не утверждала, что структура системы побуждает государства к проведению агрессивной внешней политики. Напротив, она утверждала обратное.

Более того, нечто ещё более важное произошло в середине 1980-х. Мой хороший друг Джек Снайдер, преподававший в то время в Колумбийском университете, работал над книгой под названием «Миф об империи». Джек попросил меня прочи-

тать главу, посвящённую теоретическим аспектам его исследования, которая содержала чистейшей воды теорию оборонительного реализма. Это была гораздо более чёткая версия оборонительного реализма, чем изложение К. Уолтца. Я внимательно прочитал теоретическую главу Джека, чтобы дать ему комментарии, но оказался крайне недоволен его аргументацией, потому что был уверен, что она не отражает тот факт, что в реалистском мире великие державы очень агрессивны.

Такое несогласие побудило меня начать думать всё больше и больше о теории, выдвинутой К. Уолтцем, и в конечном счёте признать, что и он был оборонительным реалистом. Тогда я решил, что напишу книгу о реализме, в которой обосную то, что впоследствии назовут наступательным реализмом. Так что во многих отношениях «Трагедия политики великих держав» была ответом не только К. Уолтцу, но и Дж. Снайдеру тоже. Первой работой, оразившей данную логику рассуждения, которую я опубликовал, стала статья «Назад в будущее». Она была написана в 1990 году, когда закончилась «холодная война» и мы оказались в новом мире. Книга «Трагедия политики великих держав» была опубликована позже, в 2001 году. Я мог бы также добавить, что некоторые основные идеи наступательного реализма были также изложены в статье «Ложные посулы международных институтов», появившейся в середине 1990-х.

И.И.: *С 1990-х годов Вы начали позиционироваться как «мистер реализм». Между тем период после окончания «холодной войны» был трудным временем для реализма. В то время на первый план вышли другие теоретические модели. Почему Вы сохранили приверженность реалистскому направлению?*

Дж.М.: Нет никаких сомнений в том, что примерно с 1989 и примерно по 2017 г. было трудно оставаться реалистом, особенно в Соединённых Штатах или, говоря в целом, — на Западе. Либеральная точка зрения Фрэнсиса Фукуямы, которая нашла отражение в его знаменитой статье «Конец

истории», доминировала в мышлении западного мира после окончания «холодной войны». В этой связи, когда с 2001 г. я стал утверждать, что подъём Китая не сможет проходить мирно, большинство людей считали, что моё заявление несостоятельно. Некоторые смеялись надо мной и говорили, что я представитель вымирающего вида — я не понимаю, что мир претерпел фундаментальную трансформацию. Я с этим не соглашался. Я полагал, что мы живём в мире реализма и что реализм даёт отличное объяснение того, как устроена международная политика. По этой причине я чётко придерживался реалистских позиций на протяжении всего периода 1989–2017 годов. Думаю, что именно в этот период я заслужил звание «мистер реализм». Могу добавить, что некоторые предпочитали называть меня «Князем тьмы» из-за моих реалистских представлений.

Одно важное дополнение касательно Вашего вопроса, хотя я уверен, что мы будем ещё говорить об этом позже. По мере развития международной обстановки после окончания «холодной войны», в начале 2000-х годов, я начал понимать, что реализм не очень хорошо объясняет нам поведение единственной великой державы в условиях однополярности, а именно так был организован мир в то время. Как почти все согласны, в 1989–2017 гг. мы переживали краткий период однополярности и единственной великой державой оставались Соединённые Штаты. Нельзя было говорить о политике великих держав, так как имела только одна великая держава. Для того чтобы размышлять в логике политики великих держав, необходима биполярность, как это было во времена «холодной войны», или многополярность, как мы это наблюдаем сейчас. То есть требуется, как минимум, две великие державы, чтобы они могли взаимодействовать между собой. Таким образом, к началу 2000-х я пришёл к пониманию того, о чём не имел представления в начале 1990-х годов, а именно — что реализм мало что может объяснить в поведении Соединённых Штатов в период однополярности.

Они не следовали постулатам реализма, потому что им не приходилось заботиться о балансе сил и они были единственной великой державой на планете. В этой связи я и написал книгу «Великое заблуждение» как способ объяснения американской внешней политики при однополярности. Мой тезис в ней заключается в том, что Соединённые Штаты вели себя не исходя из реалистской логики, а следуя идеям либерализма в условиях однополярной структуры. У Соединённых Штатов были каникулы без реализма, потому что у них не было конкурентов. Таким образом, я готов утверждать, что реализм отлично справляется, когда мы объясняем отношения США — СССР в период «холодной войны», потому что это был биполярный мир. В то время имело место взаимодействие великих держав, и реализм по большей части объясняет, как сверхдержавы вели себя по отношению друг к другу. Что касается многополярного мироустройства, в котором мы сейчас живём — с такими тремя великими державами, как Россия, Китай и США, — то мы снова находимся в ситуации, когда логика реализма даёт очень чёткое объяснение развития отношений между ними. Однако, что касается однополярного мироустройства, не думаю, что реализм может нам помочь в объяснении того, как Соединённые Штаты вели себя в тот период времени, потому что сам феномен великодержавных отношений отсутствовал как таковой.

И.И.: Вы сказали, что Соединённые Штаты не руководствовались реалистской логикой. Между тем в международной системе существовали и другие государства. Как Вы считаете, они тоже в постбиполярный период действовали не так, как предполагают реалисты?

Дж.М.: Безусловно, большинство других стран в системе действовали в соответствии с диктатами реализма, особенно это касается двух ключевых государств — Китая и России. Только Соединённые Штаты как единственная великая держава не руководствовалась реалистскими постулатами. Давайте обратим внимание на то, как раз-

вивались отношения между США и Россией в контексте экспансии НАТО, экспансии ЕС и «цветных революций», так как все эти процессы были направлены на Восточную Европу. Я полагаю, что Соединённые Штаты и их европейские союзники в рамках этих трёх групп событий руководствовались либеральным курсом — тем, что я называю либеральной гегемонией. Они стремились распространить НАТО и ЕС на восток, а также поддерживали «цветные революции» — всё это с целью превращения стран Восточной Европы в либеральные демократии, которые исповедовали бы капитализм и были бы интегрированы во все ключевые институты, созданные Западом во времена «холодной войны». Я не считаю, что расширение НАТО было направлено на сдерживание России, что было бы реалистским курсом. Некоторые люди сейчас это утверждают, но для их тезисов нет почти никаких доказательств. В этой связи я берусь утверждать, что Запад следовал либеральным рецептам.

С другой стороны, Россия руководствовалась принципами реализма. Россия воспринимала расширение НАТО и ЕС, а также «цветные революции» как непосредственную угрозу своей безопасности — именно так, как ей и следовало их воспринимать. Таким образом, стороны действовали в соответствии с разными логиками, что и стало одной из главных причин крупного кризиса, который разразился на Украине в феврале 2014 года. Россия действовала в соответствии с реалистскими представлениями, тогда как США и их европейские союзники действовали исходя из либеральных убеждений. В результате Запад оказался не готов к тому, как развилось события после 22 февраля 2014 года. Вместе с тем если бы они обращали внимание на базовые принципы Realpolitik, то российская реакция на расширение НАТО не вызвала бы у них такого удивления.

И.И.: *Давайте посмотрим на ещё более широкий круг государств. Ваша книга называется «Трагедия политики великих держав», а значит, речь идёт прежде всего о*

великих державах. Даже в 1990-х Россия и Китай оставались всё-таки достаточно крупными игроками. В какой степени реализм может быть применён к политике малых и средних государств? Отдельные исследователи дают разные ответы на этот вопрос. Какова Ваша позиция?

Дж.М.: Мне неловко это признать, но у меня нет хорошего ответа на данный вопрос. Это проблема, над которой мне следовало бы хорошенько подумать и по которой что-то написать. Нет никаких сомнений в том, что я сосредоточиваюсь преимущественно на великих державах в своих реалистских публикациях. Я ясно указываю, что моя теория объясняет действия великих держав. В то же время очевидно, что во многих случаях крупные и малые державы (эти две категории я отличаю от великих держав) действуют в соответствии с принципами реализма. Хороший пример тому дают Китай и Россия, которые в период однополярности оставались крупными державами, и такие страны, как Ирак и Сирия, которые относились к малым державам. Логика реализма почти всегда применима к первым, но не всегда ко вторым. Вопрос состоит в том, когда она применима к малым державам? Если мы говорим о Бельгии или о Люксембурге, то реализм не слишком поможет в понимании их поведения, так как это очень маленькие страны, которые соседствуют с гораздо более сильными Францией и Германией. Если же вы посмотрите на Ближний Восток, который Стив Уолт изучал в своей книге, то увидите, что в этом регионе логика реализма применима, даже несмотря на то, что нет великих держав, которые были бы физически расположены в нём. Зато здесь присутствуют малые державы, и они в основном также руководствуются реалистской логикой. В этой связи Стив чётко показал, что в анализе политики на Ближнем Востоке вы можете с большим успехом применить теорию реализма. Наверное, мне имело бы смысл в какой-то момент более систематическим образом осмыслить, как моя реалистская теория применима к крупным и малым державам.

И.И.: *Во многих своих лекциях и выступлениях Вы утверждаете, что теория имеет ключевое значение в научной деятельности. Тем не менее многие сталкиваются с трудностями в формулировании теории. Что нужно для разработки теоретического знания?*

Дж.М.: Я сделаю несколько замечаний в контексте данного важнейшего вопроса. В первую очередь важно понимать, что одни люди изначально хороши в формулировании теории, а другие – нет. Это всё равно как спорт. У одних людей хорошо получается играть в футбол, а у других – не очень. Одни люди хорошо плавают, а другие – плохо. Далеко не все рождаются исследователями-теоретиками от природы. Более того, я бы сказал, что только некоторые специалисты по международным отношениям, с которыми я знаком на протяжении многих лет, хороши в выработке своих собственных теорий.

Второй важный момент заключается в том, что может быть только ограниченное число теоретиков в любой области, включая сферу международных отношений. Если бы каждый в первую очередь был бы теоретиком и стремился бы формулировать собственную теорию международной политики, у нас их было бы так много, что мы не смогли бы отследить их все. В результате только ограниченное число людей хороши в теоретизировании, и требуется только данное ограниченное число специалистов, серьёзно работающих над развитием теории.

Третий момент связан с тем, что, когда речь заходит о создании теорий, независимо от того, насколько вы хороши в этом деле, такая работа требует колоссального количества времени. Это очень долгий и сложный процесс, который неизбежно вызывает много мучений и трудностей. Гораздо проще проверить гипотезу, выведенную из уже существующей теории. Вы находите или конструируете базу данных, далее вы проверяете свою гипотезу на нескольких репрезентативных случаях или с использованием современным статистических методов. Или вы проводите эксперимент. В любом случае все эти виды работ не так сложны, как формулирование новой теории.

Позвольте мне проиллюстрировать свой тезис примером того, как много времени мне потребовалось для разработки наступательного реализма. Как я уже говорил, впервые я начал серьёзно задумываться о теории международных отношений и реализме зимой 1983 года. Книга же «Трагедия политики великих держав» была опубликована только в 2001 году. Иными словами, мне потребовалось порядка 18 лет для того, чтобы выдвинуть развёрнутую версию наступательного реализма. Это был долгий и болезненный процесс. Парадоксальным образом, при этом выдвинутая мной теория в действительности довольно проста, и это стало основной причиной, почему она стала так популярна по всему миру. Можно подумать в этой связи, что её легко придумать и легко разработать. Но это не совсем так.

Давайте я поделюсь ещё одной личной историей, которая, возможно, подчеркнёт последнее утверждение. Когда я впервые начал задумываться о том, чтобы создать собственную теорию, я не включал неопределённость относительно намерений других государств в число её базовых допущений. Конечно, это предположение имеет огромное значение для моей теоретической работы. Помню, как обедал со своим аспирантом, где-то в середине 1990-х годов, и рассказывал о своей теории. Он тогда сказал мне: «Слушая Вас, ясно, что неопределённость намерений заложена в Вашей теории, но Вы не придаете ей большого значения». Я внимательно прислушался к его словам и помню, как, возвращаясь домой после того обеда и размышляя о прошедшем разговоре, я сказал сам себе: «Он совершенно прав относительно необходимости поместить намерения в центр обсуждения». Я не выделял специально неопределённость намерений, хотя она критически важна для моей концепции. Придя домой, я переписал теорию так, чтобы неопределённость намерений была включена в число основных положений. Вспоминая об этом, кажется невероятным, что мне потребовалось столько времени на осознание критического значения этого допущения.

В «Трагедии политики великих держав» есть ещё ряд ключевых тезисов, на разработку которых у меня ушли годы.

В конечном счёте я хотел бы ещё раз подчеркнуть, что сформулировать теорию по любому вопросу нелегко, даже если это кажется простым, потому что хорошие теории по определению просты.

И.И.: *Вы упомянули в ответе на последний вопрос, что в принципе требуется только ограниченное число теорий. В то же время в статье «Оставляя теорию позади» (“Leaving Theory Behind”), написанной совместно со Стивеном Уолтом, и в других выступлениях Вы критиковали современную науку из-за чрезмерной ориентации на методологический пуризм и проверку гипотез в ущерб теоретизированию. Каков, по Вашему мнению, правильный баланс в данном вопросе и насколько мы приближаемся к нему?*

Дж.М.: Трудно точно указать, каково оптимальное соотношение. Тем не менее ситуация, когда все занимаются разработкой теорий без их проверки, нежелательна. Другая крайность, когда специалисты игнорируют теоретизирование, считая его пустой тратой времени, и утверждают, что всё, чем мы должны заниматься, — это проверка отдельных гипотез.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда рациональный выбор и формальное моделирование были в моде в политических исследованиях, некоторые исследователи международных отношений, опиравшиеся на них, не проявляли особого интереса к проверке своих моделей. И они подвергались за это справедливой критике. Вы не хотите оказаться в ситуации, в которой люди разрабатывают теорию ради теории. Вы хотите разрабатывать теории и проверять их положения на соответствие реальным событиям, чтобы иметь возможность оценить их объяснительную силу.

Однако в последующие годы (и это стало очевидно в первые десятилетия XXI века) мы ушли от теории настолько далеко, что стали приоритезировать тестирование гипотез эмпирическим материалом и экспериментами до такой степени, что мне

представляется уже вредным. Именно такое положение заставило нас со Стивеном Уолтом написать статью «Оставляя теорию позади». Мы пытались подчеркнуть, что формулирование новых и уточнение существующих теорий крайне значимо, так же как и проверка этих теорий. Мы постарались максимально подчеркнуть в нашей статье, и сделать это как можно более убедительно, что мы считаем эмпирические методы и проверку теорий неотъемлемой частью общественных наук. В то же время не следует упускать из виду важность построения теории.

И.И.: *Возвращаясь к теории реализма, которую Вы представляете. У нас есть Кеннет Уолтц и его оборонительный реализм, и у нас есть наступательный реализм Джона Миршаймера. Каковы пути развития реализма и есть ли ещё место для создания новых его ответвлений?*

Дж.М.: Для меня это очень трудный вопрос. Если бы я считал, что возможна какая-то новая теория реализма, которую ещё можно изобрести, я бы сформулировал её уже сам либо посоветовал кому-нибудь очень талантливому заняться развитием этой идеи. Мне кажется, что любая теория (будь то у К. Уолтца, или у Г. Моргентау, или у меня, если только ограничиться тремя крупнейшими реалистскими объяснениями) имеет свои проблемы. Не существует совершенной теории. В этой связи со временем будущие исследователи смогут найти новые пути построения новых реалистских теорий, опираясь на уже имеющиеся. В качестве подтверждения хочу заметить, что в моем случае я стоял на плечах К. Уолтца. То есть я изучал его теорию, не соглашался с ней, изменил её в некоторых фундаментальных вещах и выработал другую реалистскую теорию. Могу себе представить, что будущие исследователи будут перечитывать мою книгу, работу К. Уолтца или произведения других реалистов, таких как Джек Снайдер, Стивен Уолт, Стивен ван Эвера, Чарли Глейзер. Они найдут в них некоторые аспекты, которые им понравятся, и те, которые не по-

нравятся. Потом они выдвигают свои собственные теории, опираясь на уже существующие. Однако я не могу сказать, что данные теории будут из себя представлять. Думаю, мы просто должны подождать.

И.И.: *Тогда немного конкретизирую вопрос. Ваша теория, а также теория К. Уолтца говорили о распределении потенциалов в международной системе. Многие из представителей следующего поколения исследователей, которые ассоциируют себя с реализмом, больше смотрят на динамику изменения потенциалов со временем. Они фокусируются на восходящих и слабеющих державах, на том, как ожидания относительно последствий наблюдаемых изменений влияют на их поведение. Насколько, как Вы считаете, это продуктивное направление для реализма?*

Дж.М.: В реалистской литературе существует богатая традиция рассмотрения динамики изменения материальных возможностей как причины для начала войн. Например, Роберт Гилпин стал очень известен благодаря этому тезису. Даже его знаменитая книга так и называется — «Война и изменение». Кен Органски и Яцек Куглер, а также Дейл Коупленд (бывший аспирант Чикагского университета, который ныне преподаёт в Университете Вирджинии) написали влиятельные книги о том, как изменения в балансе сил ведут к войне. В этой области также я думаю, что будущие исследователи будут вести работу и выдвигать теории того, как динамические изменения воздействуют на вероятность войны. Я считаю, что мы с Кеннетом Уолтцем подходим к проблеме структуры с другой точки зрения. Мы склонны больше сосредоточиваться на том, что из себя представляет распределение силы на данный момент, чем на том, как оно меняется. Хотя и в теории Кеннета Уолтца, и в моей есть место для изменений, но они не акцентируются столь же отчетливо, как в работах Роберта Гилпина или Дейла Коупленда.

И.И.: *Возвращаясь к более общим вопросам: как Вы оцениваете современное состоя-*

ние исследования международных отношений в целом?

Дж.М.: Это очень важный вопрос. Позвольте мне ответить на него, сравнив область международных исследований сегодня с тем, что было во времена моей молодости, когда я начал писать свою кандидатскую диссертацию в 1975 году. Здесь я бы выделил четыре ключевых отличия.

Во-первых, сегодня гораздо больше людей обучаются по магистерским и аспирантским программам по международным отношениям, чем в 1975 году, когда я учился в Корнеллском университете. Особенно это заметно в области исследований безопасности. В США сфера изучения безопасности сильно пострадала в ходе войны во Вьетнаме. В результате в Соединённых Штатах в 1975 г. этой проблематикой занималось очень небольшое число исследователей, в тот момент только начинался ренессанс этой области. Да и за пределами США было не так уж много специалистов по ней. Сейчас же ситуация коренным образом изменилась. По всему миру, в том числе и в развивающихся странах, есть первоклассные специалисты по вопросам безопасности. Удивительно, насколько больше людей стало заниматься исследованием и преподаванием в этой области по сравнению с 1975 г.

Во-вторых, глобализация привела к тому, что люди во всём мире читают одну и ту же литературу по международным отношениям и, по сути, говорят на одном и том же языке. Например, каждый знает, что такое дилемма безопасности. Я готов утверждать, что мы — специалисты по исследованиям безопасности — живём в некоем подобии глобальной деревни, когда речь заходит о международной политике. В результате, когда я выступаю в Японии, в Китае или в России, студенты и преподаватели полностью осведомлены обо всех понятиях и тезисах, которые я выдвигаю. Если они задают мне вопросы, я почти всегда сразу понимаю, о чём они собираются спросить, потому что опять же все мы используем один и тот же язык, читаем одни и те же книги.

Иногда, когда я выступаю с лекциями за рубежом, принимающая сторона интересуется: «Как Вам вопросы от турецких слушателей или японских?» На что я всегда отвечаю: «Это точно так же, как отвечать на вопросы американских слушателей, так как студенты, которые сейчас читают одну и ту же литературу и говорят на одном языке с американскими студентами». Все мы знаем, что такое «дилемма безопасности» или как неопределенность в намерениях порождает проблемы в отношениях великих держав и подобные вопросы.

Третий момент, на который стоит обратить внимание (который относится в большей степени к США, чем к другим странам), — у исследователей, занимающихся международными отношениями, наблюдается гораздо меньше интереса к практической политике, чем в середине 1970-х. Особенно это касается ведущих университетов Соединённых Штатов. Возьмусь утверждать, что ещё в 1970-х — 1980-х и даже в начале 1990-х многие исследователи международных отношений видели тесную связь между теорией и миром реальной политики. Сейчас же большинство молодых специалистов, особенно из элитных университетов, не заинтересованы в том, чтобы отвечать на крупные внешнеполитические вопросы и в целом как-то взаимодействовать с реальностью, по крайней мере в сравнении со временем начала моей карьеры.

Наконец, *четвертый* момент, который, по-моему, имеет глобальный масштаб, проявляется в том, что исследование международных отношений стало высокопрофессионализированным. Специалисты считают себя профессиональными политологами, и это, как мне кажется, неразрывно связано с тем, какое значительное внимание сегодня уделяется научным методам. Сегодня вы проходите обучение методологии, чтобы стать учёным, политологом, — вы приобщаетесь к настоящей профессии. Думаю, в середине 1970-х годов уровень профессионализации был гораздо ниже, чем сейчас. Неудивительно, что тогда было и гораздо меньшее внима-

ние к методам, чем сегодня. В прошлом вы были больше заинтересованы в том, чтобы приобрести хорошие знания о широком круге содержательных политических вопросов, для того, чтобы быть способными глубоко осмыслить не только текущее состояние академических дискуссий, но и для ответа на вопросы, представляющие значимость с точки зрения практической внешней политики. Если вам удалось сформулировать интересный тезис или теорию в то время, вы стремились распространить их не только в исследовательских кругах, но и среди практиков. Думаю, что сегодня гораздо меньше такого стремления. Исследователи, особенно в Соединённых Штатах, более склонны разговаривать друг с другом, и это становится следствием профессионализации.

Резюмируя вышесказанное — я выделяю четыре ключевых отличия. Первое — сейчас число специалистов в сфере международных отношений намного больше, чем в то время. Второе — исследователи международной политики работают в «глобальной деревне». Третье — сегодня специалисты гораздо в меньшей степени интересуются реальной политикой, особенно в США и в американских университетах, чем это было в середине 1970-х годов. Наконец, четвертое — профессионализация, которая оказала глубокое влияние на то, как сегодня мы работаем.

И.И.: Наряду с теоретическими утверждениями Вы сделали немало смелых предсказаний, которые шли вразрез с общепринятым мнением. Они порой не оказывали заметного влияния на принятие решений, хотя многие из них оказались точными. В какой степени академические знания и опыт могут влиять на внешнюю политику страны?

Дж.М.: На этот вопрос трудно ответить, потому что любому исследователю сложно понять, какое влияние он или она оказывает на политический процесс. Нет никаких сомнений в том, что моя резкая оппозиция в отношении войны в Ираке в 2003 г. практически не повлияла на решение администрации Джорджа Буша о вторжении в эту

страну. Для неё оппоненты в лучшем случае представлялись не более чем «лежачими полицейскими» на пути к войне. Администрация Дж. Буша просто проигнорировала нас. Вместе с тем есть случаи, когда исследователи, занимающиеся международными отношениями, оказывают большое влияние. Один из наиболее ярких примеров влияния научных представлений на политику даёт теория демократического мира. Мало кто слышал о ней до того, как Майкл Доил написал свою знаменитую статью в 1983 году. Идея, что демократии не воюют друг с другом, быстро приобрела популярность в политических кругах и оказала серьёзное влияние на американский внешнеполитический курс после окончания «холодной войны» в 1989 году. Эта простая теория, малоизвестная до 1983 года, имела своё происхождение в научных кругах. Хотя Майкл Доил стал первым специалистом, кто выдвинул такой тезис, другие авторы, такие как Брюс Рассетт, последовали по его стопам. Более того, теория демократического мира лежит в основе знаменитой и влиятельной статьи Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Это явно тот случай, когда исследователи приобрели большое влияние на политику.

Что касается меня, то я написал полемическую статью в 2014 году, посвящённую украинскому кризису, разразившемуся в том году и оказавшему отравляющее воздействие на отношения между Россией и Западом. Я утверждал, что кризис в значительной степени стал результатом политики Запада по расширению ЕС и НАТО на восток, а также по поддержке «цветных революций» в Грузии и на Украине. Москва не несла ответственности за провоцирование противоречий из-за Украины. Полагаю, что эта публикация оказала влияние на взгляды большого числа людей относительно того, кто был ответственен за развязывание кризиса. Это утверждение опирается на множество разговоров с теми, кто признавал, что их точка зрения сформировалась под воздействием данной статьи. Теперь: помогла ли статья изменить политику Запада в отношении России? Думаю,

что ответ на этот вопрос безусловно отрицательный. Однако она может, по крайней мере в малой степени, поспособствовать тому, чтобы выйти из возникшего кризиса, хотя я и не готов поставить много денег на это. Более того, даже если статья будет иметь такого рода влияние, неясно, сможем ли мы выявить его, так как распространение идей происходит обычно в рамках постепенного и трудного для отслеживания процесса.

И.И.: *А как способность исследователей влиять на внешнеполитический курс соотносится с положениями реализма? Ведь в рамках этой теории не так уж много места уделяется значению идей в политике.*

Дж.М.: Для того чтобы прояснить этот момент, нужно вспомнить, что во время однополярности не было великодержавной политики, потому что Соединённые Штаты были единственной великой державой. Отсутствовали другие великие державы, с которыми США могли бы взаимодействовать или относительно которых они вынуждены были бы беспокоиться. В этом мире Соединённые Штаты могли игнорировать баланс сил и проводить идеологизированную внешнюю политику. В действительности они преследовали цели выстраивания либеральной гегемонии, что требовало перестройки мира по образу и подобию Америки между 1989 и 2017 годами. Наша политика была продиктована не столько материальными соображениями, сколько идеями. Это был мир, в котором идеи имели очень большое значение, но это не был реалистский мир, по крайней мере для Соединённых Штатов. То есть в международной политике встречаются случаи (правда, они редки), когда внешняя политика великих держав мотивируется в первую очередь идеями. Тем не менее в периоды существования биполярности или многополярности великие державы в первую очередь озабочены балансом сил, а не идеями. Так было в годы «холодной войны», и так же будет в многополярном мире, в который мы вступаем. Структура в значительной степени детерминирует по-

ведение великих держав, когда в системе их две и более. За исключением краткого периода однополярности, я уверен, что Соединённые Штаты действовали в соответствии с требованиями реализма. Например, если вы посмотрите на то, как Соединённые Штаты ведут себя сегодня по отношению к Китаю и по отношению к России, то становится ясно, что мы вернулись в реалистский мир, а либеральная гегемония закончилась. Некоторые утверждают, что это из-за того, что в Белом доме Дональд Трамп. Я не думаю, что это корректное объяснение. Главная причина того, что либеральная гегемония заканчивается, связана с тем, что система трансформируется из однополярной в многополярную, в которой реализм берёт верх, а идеи отходят на второй план.

И.И.: Мы подходим к вопросу, связанному с Вашей последней книгой – «Великое заблуждение», в которой, как Вы уже сказали, объясняется внешняя политика США во время однополярности. Между тем многие специалисты утверждают, что дни американского господства сочтены. Следовательно, либеральная гегемония всё равно исчезнет. Почему Ваша последняя книга была так важна и что Вас побудило написать её?

Дж.М.: Я написал книгу «Великое заблуждение» в значительной степени для того, чтобы понять, почему внешняя политика США была такой провальной в эпоху однополярности. В первое десятилетие после окончания «холодной войны» в Соединённых Штатах и на Западе в целом наблюдался огромный оптимизм относительно будущего развития международной политики. Мало кто предвидел все те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Большинство думало, что наступает мир, который по прошествии времени будет становиться всё более и более безопасным. Но что-то пошло не так, и что-то особенно пошло не так во внешней политике США. Только обратите внимание на ужасное состояние, в котором оказался Большой Ближний Восток при американском участии. Более того, посмотрите на

отвратительный характер отношений США с Россией и на провалы американских попыток «сблизиться» с Китаем. Я хотел понять, что пошло не так. Хотел осмыслить, что произошло между 1989 и 2017 годами. Хотел объяснить внешнюю политику США в период однополярности. В результате я обнаружил, что реализм действительно не объяснял американскую внешнюю политику в тот период, в основном потому что Соединённые Штаты были столь могущественны, что им не приходилось думать о балансе сил. В этой связи я пришёл к пониманию, что американская политика определялась либеральной идеологией. Об этом как раз и повествует книга «Великое заблуждение».

И.И.: Если позволите, последний вопрос. В своих публикациях Вы уже давали прогноз касательно американо-китайских отношений. Вы также ранее поделились своим объяснением эволюции российско-американского взаимодействия в 1990-х – 2000-х годах. Как Вы оцениваете нынешнюю динамику отношений между Россией и США и есть ли у Вас очередные смелые прогнозы относительно их дальнейшего развития?

Дж.М.: Я считаю, что плохое состояние отношений США с Россией заслуживает глубокого сожаления. Уверен, что Россия не представляет угрозы для Запада, и я также убеждён, что Соединённые Штаты и их европейские союзники несут основную ответственность за возникшую напряжённость, которая толкает Россию в объятия Китая. Во многом эти проблемы стали следствием украинского кризиса. Вместе с тем как представитель структурного реализма считаю, что в конечном итоге позиция России будет сближаться с позицией США и будет обращена против Китая, если впечатляющий рост КНР продолжится. Думаю, что сближение России с Соединёнными Штатами против Китая логично, потому что Пекин представляет большую угрозу Москве, чем Вашингтону. Главная причина тому в географии: Китай имеет общую границу с Россией и исторически имел с ней плохие отношения. Конечно,

Россия сейчас боится КНР меньше, чем США, но это только потому, что Китай пока ещё не настолько силен и также потому, что США и их союзники испортили отношения с Россией, побуждая её к союзничеству с Китаем. Тем не менее считаю, что ситуация изменится со временем. Кстати, у нас была похожая ситуация перед началом Второй мировой войны. Соединённые Штаты не признавали СССР до 1933 года и даже впоследствии на протяжении 1930-х годов и в начале Второй мировой войны сохраняли враждебное отношение к Москве. Тем не менее всё очень быстро изменилось после нападения нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года и особенно после того, как Адольф Гитлер объявил войну Соединённым Штатам 11 декабря 1941. И Москва, и Вашингтон находились в войне против гитлеровской

Германии, и общая угроза заставила их стать близкими союзниками на протяжении Второй мировой войны. Таким образом, те, кому сближение США и России против Китая кажется невозможным, должны помнить, как подъём нацистской Германии повлиял на американско-советские отношения. Великие державы делают то, что необходимо, чтобы выжить. Уверен, что и с американской, и с российской точки зрения логичным будет объединиться против КНР, если китайская мощь продолжит поступательно расти в последующие годы.

Профессор Миршаймер, мне кажется, Ваши заключительные слова – это идеальный эпилог для столь содержательной и вдохновляющей беседы. Большое Вам спасибо за внимание к нашим читателям.